

Роза Ауслендер

*ВОСТОЧНИЦА ОБ ОДНОМ ГОРОДЕ **

Восточно-европейский город, не очень большой, но и не маленький: Черновицы, столица Буковины, принадлежавшей Австро-Венгерской империи. От северо-восточных Карпат Буковина протянулась через лесистые горы и холмы к подольским степям на севере и бессарабским на востоке. С 1514 года на четверть тысячелетия Буковина попадает под владычество турок, а с 1775-го входит в состав Габсбургской монархии, в которой получила статус отдельной королевской провинции. Накануне Второй мировой войны 160–170 тысяч населения Черновиц составляли немцы, украинцы, евреи, румыны, а также «нацменьшинства» – поляки и венгры. Пёстрый и многослойный город, в котором германская, романская, славянская и еврейская культуры проникают друг в друга. Город, отошедший после Первой мировой войны к Румынии – вплоть до советской аннексии, по сути, оставался австро-венгерским.

Буковинский немецкий обогащался новыми словами и выражениями, имел собственный колорит. Разветвлённые корни культур переплетались и придавали словам силу и сочность. Более трети жителей составляли евреи, библейские и хасидские легенды носились в воздухе, ими можно было дышать. Из этой причудливой языковой среды, в этой мифически-мистической атмосфере вырастали поэты и писатели: Пауль Целан, Альфред Маргуль-Шпербер, Иммануил Вайсглас, Альфред Китнер, Георг Дроздовский, Давид Гольдфельд, Альфред Гонг, Моисей Розенкранц, Грегор фон Реццори, выдающийся лирик Ицик Мангер...

Черновицы поднимаются метров на 150–200 от долины реки Прут до большого, как лес, Народного сада. Парки на холмах и бесчисленные сады возле частных домов. А вокруг – буковые леса с их дроздами и соловьями... С 1875 года университетский город, но также индустриальный и торговый центр, Черновицы были центром притяжения не только Буковины, но и Бессарабии и северной части Молдовы. Здесь читали не только газеты и развлекательные журналы, но и настоящую литературу. С воодушевлением дискутировали, музицировали, пели. Часто ходили в театр, а билеты на спектакли гастролёров раскупались полностью. Главным для многих интеллектуалов были не честолюбивые мечты о карьере или высоком уровне жизни, их интересовали наука, философия, мистика, искусство, поэзия, музыка. Часть интеллектуальной молодёжи была политически ангажирована. Эти молодые люди приносили себя в жертву, их бросали в тюрьмы, над ними издевалась полиция, они переносили пытки, не желая выдавать своих товарищей. Другая часть молодёжи в основном обсуждала и спорила. Стоило встретиться друзьям, начинались пылкие дискуссии о философии, искусстве и литературе, разговоры эти могли длиться до утра. Времени на это всегда хватало, учёба или работа рассматривались как нечто необходимое, но побочное.

---

* Печатается в сокращении.

В предвоенное время у интеллектуалов возник особый стиль жизни: отчуждённость от мира, пренебрежение к неприятной реальности в пользу идей и идеалов. Скульпторы, художники, музыканты, поэты, если у них не было никакой другой специальности, жили за счет восхищенных друзей и сограждан, которые покупали их произведения, ходили на их концерты и выступления. Поддержка художников и поэтов воспринималась как долг. Ценилось не только то, что делалось известным, пройдя через большие тиражи; дань уважения отдавалась творцам и их произведениям ещё до публикаций. Когда умер замечательный еврейский баснописец Элизер Штейнбарг, чьи басни были напечатаны только после его смерти и далеко не все переведены на немецкий (Пауль Целлан говорил мне, что не посмел взяться за Штейнбарга как переводчик), печаль была безграничной. Тысячи людей сомкнутыми рядами шли на далеко отстоящее кладбище. Не вдова убивалась на могиле, а друзья Штейнбарга, известные еврейские писатели, пожилые люди не могли остановить рыдания, произнося траурные слова прощания.

Черновицы были городом почитателей и приверженцев. Речь, как писал Шопенгауэр, «не о размышлении об интересах, а об интересе к размышлениям». Религиозные евреи были хасидами, приверженцами того или иного «святого» ребе. Для них не были важны заботы практической жизни. У многих не было никакой специальности, они жили на содержании у своих жён, которые гордились «учёными» мужьями, всю жизнь читавшими «святые книги» и с воодушевлением внимавшими мудрым словам своего ребе. Образованные ассимилированные евреи, немцы, украинцы, румыны тоже были приверженцами – философов, учёных, политиков, поэтов, композиторов, мистиков... Большая община почитателей была в Черновицах у Карла Крауса. Его можно было встретить с «Факелом» в руках на улице, в парке, в лесу, на берегу Прута. Один горячий «красовец», ставший после войны профессором университета в Нью-Йорке, показал мне однажды тетрадь «Факела» со словами: «Посмотрите-ка, разве буква «К» не самая красивая в алфавите?» И это он говорил не в шутку. Многие горожане считали себя сторонниками берлинского философа Константина Бруннера, который только сейчас стал широко известен благодаря переводам на английский и французский. Ни в каком другом городе, включая Берлин, Бруннер не имел столько верных последователей, сколько в Черновицах. Здесь жили шопенгауэрцы, ницшеанцы, Спинозисты, кантианцы, марксисты, фрейдисты. Объединялись вокруг Гёльдерлина, Рильке, Стефана Георге, Тракля, Эльзы Ласкер-Шюлер, Томаса Манна, Гессе, Готфрида Бенна, Бертольда Брехта. Относили себя к течениям классической и современной литературы, особенно иностранной: французской, русской, английской, американской. Каждый был адептом своего кумира. Преклонялись самоотверженно и с огромным воодушевлением. (Воодушевление – слово, которое современная критика отвергает как пафос или сентиментальность...) В этой атмосфере каждый мыслящий человек чувствовал себя вынужденным примкнуть к какому-либо философскому, политическому, литературному или другому кругу.

Канувший в небытие город. Исчезнувший мир.

Перевела с немецкого Нинель Левандовская